

УДК 94(571)(092)
ББК 63.3(253.7)г

А.М. Курьшов
кандидат исторических наук, доцент,
Байкальский государственный университет
экономики и права

НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ КОЗЬМИН: РОМАНТИК ОТ ИСТОРИИ

Представляется очерк Н.Н. Козьмина «Хозяйство и народность (Производственный фактор в этнических процессах)», опубликованный в 1928 г. Рассматриваются важнейшие идеи ученого, положенные в основу очерка.

Ключевые слова: Н.Н. Козьмин, этнология, этнография, история Сибири.

A.M. Kuryshov
PhD in History, Associate Professor
Baikal State University of Economics and Law

NIKOLAI NIKOLAEVICH KOZMIN: ROMANTIC FROM HISTORY

Presented N.N. Kozmin's essay «The economy and the national ethos (The production factor in ethnic processes)», published in 1928. The major ideas of the scientist put in a basis of an essay are analyzed.

Keywords: N.N. Kozmin, ethnology, ethnography, history of Siberia.

Николай Николаевич Козьмин (1872–1938) — один из тех сибирских историков, чье имя с годами вспоминают все чаще и чаще. Некогда почти забытый, он сегодня признан авторитетной фигурой не только сибирской, но и российской исторической науки, оценить его талант и вклад в развитие отечественной научной мысли в полной мере мешает то, что почти весь его архив погиб, а многие работы остались в рукописи.

Думается, что обращение исследователей к научному наследству Н.Н. Козьмина — не только дань моде (он, как и мно-

гие его современники-ученые, был необоснованно репрессирован, и уже поэтому привлекает к себе внимание) и стремление восстановить историческую справедливость (ибо масштаб личности ученого — объективно — можно оценить лишь спустя время). Дело здесь в другом.

Во-первых, Николай Николаевич Козьмин был действительно самобытным исследователем, для которого, несмотря на обилие в его трудах различных аналогий и обобщений, несмотря на то, что его иногда упрекали в чрезмерном схематизме, целью было открытие *живой* истории, а метод выступал инструментом этого открытия, а не *схемой*, под которую подгоняются известные факты. Он был ученым, видящим смысл своей работы не столько в результате, сколько в самом процессе исследования, познания. Это ценнейшее качество ощущает каждый, кто читал его работы. Н.Н. Козьмин умел «держаться» ту грань, которая отличает историка-теоретика от краеведа, умел не скатываться в ту или иную сторону, выступал исследователем конкретного исторического материала, но при этом искал закономерности общественного развития, осознавал единство истории: «У меня давнишняя мысль, что мир подчинен единым историческим судьбам. “Человеческое” свойственно Востоку и Западу. Мне некогда и негде работать. Но как хотелось бы это человеческое вскрыть на живом теле истории» [5, с. 266]. Вот это отношение к истории, как к «живому телу», стремление уйти от схематизма и, вместе с тем, глубокое понимание всеобщей связи и взаимной обусловленности явлений («История не повторяется. Но многое тождественно и аналогично» [5, с. 271]), этакий «научный романтизм» и влечет историков к научному наследству Н.Н. Козьмина.

Во-вторых, многие идеи Николая Николаевича, в свое время не укладывавшиеся в рамки господствующей научной методологии и поэтому отвергнутые или просто не оформленные до конца, не приобретшие заверченный вид и забытые (Козьмин был в известном смысле «генератором идей», но далеко не все они получили развитие в его публикациях), теперь приобретают новое звучание и становятся актуальными. Это можно было наблюдать и ранее: например, теория хозяйственно-куль-

турных типов М.Г. Левина и Н.Н. Чебоксарова была буквально предвосхищена Н.Н. Козьминым в его очерки о хакасах [3] и последующих работах. Сам Козьмин считал своей заслугой, в частности, то, что «поставил на научные рельсы... изучение бурят и вообще сибирских народов» [5, с. 267]. Но сегодня процесс «реанимирования» идей Козьмина гораздо заметнее, главным образом на фоне повышения интереса к национальной истории. Известно, что он был горячим сторонником признания за народами Сибири и Центральной Азии древнейшей и насыщенной истории, утверждающим существование древних местных традиций государственности и развитой культуры. Таким образом, изучение творческого наследия Н.Н. Козьмина — это не только проблема историографии, но и вопрос научной преемственности.

Наконец, в-третьих, Николай Николаевич был очень разносторонним исследователем, «историком широкого профиля» [7, с. 90]. Хотя сам себя Козьмин считал историком (причем — знающим себе цену: «почти каждая моя работа по истории дает что-нибудь новое» [5, с. 267]), в своих работах он не однажды обращается к материалу и методам других наук — этнографии, экономики, географии, биологии и т.д. Занимался он и проблемами историографии. О широте взглядов и научных интересов Н.Н. Козьмина уже немало написано (см., напр.: [4; 7]). Он работал, как сейчас принято говорить, на стыке наук. Сегодня с междисциплинарным подходом к решению научных проблем связываются перспективы научного прогресса, работы же Н.Н. Козьмина 1920–30-х гг. уже демонстрируют такой подход, временами даже, как представляется, выходя на новый уровень — уровень трансдисциплинарности, т.е. рассмотрения того или иного явления вне рамок какой-либо одной научной дисциплины. К таким работам можно отнести и представляемый вниманию читателей журнала очерк «Хозяйство и народность».

Эта работа Н.Н. Козьмина гораздо менее известна, чем его труды, посвященные коренным сибирским народам, вопросам монголоведения, истории Сибири после присоединения к России или историографическим проблемам. А.М. Решетов прямо

отнес ее к разряду «не оцененных» и «забытых» [7, с. 94]. Очерк «Хозяйство и народность» был опубликован в VII выпуске (номере) альманаха «Сибирская живая старина» (1928), редактировавшегося М.К. Азадовским и Г.С. Виноградовым.

К этому времени Н.Н. Козьмин был уже известным ученым, автором многочисленных работ, но появление очерка «Хозяйство и народность» в «Сибирской живой старине» требует все же некоторого пояснения. Альманах (или журнал, как его чаще называли) «Сибирская живая старина» был этнографическим журналом, редакторы которого предпочитали публиковать статьи частного содержания. Работа же Козьмина имеет общий характер, посвящена роли хозяйственного фактора в процессах этногенеза вообще (хотя и основана на сибирском материале) и с этнографией связана не прямо. По этой же своей характерной черте очерк «Хозяйство и народность» занимает особое место и в библиографии самого Н.Н. Козьмина, в большей части трудов которого рассматриваются конкретные проблемы исторического развития.

Обстоятельства, приведшие к появлению на страницах «Сибирской живой старины» сочинения Н.Н. Козьмина, как представляется, сводятся к следующим моментам. Во-первых, Николай Николаевич являлся давним другом, коллегой и научным соратником редактора и основателя «Сибирской живой старины» М.К. Азадовского. Он не раз печатался в журнале (начиная с первого выпуска), был одним из его ведущих авторов. В том же VII выпуске половину объема составляли статьи всего трех исследователей — редакторов альманаха М.К. Азадовского и Г.С. Виноградова, и Н.Н. Козьмина. Во-вторых, 1927–1929 гг. — переломный момент в отечественной истории; и именно в это время начинается беспрецедентное идеологическое давление на гуманитарные науки. Это выразилось, в том числе, в критике «устаревших» этнографических подходов, не обошедших и редакторов «Сибирской живой старины». Им вменялись в вину, в частности, «отрыв от социалистического строительства» и чрезмерная увлеченность фольклором. Возможно, в этих условиях обращение к историко-экономической тематике было способом доказать актуальность журнала (статья Н.Н. Козьмина открыва-

ла номер). Если это так, то попытка была не вполне удачной — в рецензии С.П. Толстова — будущего директора Института этнографии АН СССР, а тогда — свежееиспеченного выпускника историко-филологического факультета МГУ — на VII и VIII–IX (сдвоенный) выпуски «Сибирской живой старины» констатировалось «почти полное игнорирование марксистских методов анализа» Н.Н. Козьминым [7, с. 47].

Обнаруживается и связь очерка с общественной и научно-популяризаторской деятельностью Н.Н. Козьмина. Он, помимо прочего, состоял председателем экономической секции Бурят-монгольского научного общества имени Доржи Банзарова. По данным Ю.В. Кузьмина, в 1928 г. Козьмин выступал на одном из общих собраний общества с докладом «Хозяйство и народность (экономический фактор в этнических процессах)» [4, с. 179]. Судя по всему, доклад был версией уже сданной в печать статьи (номер вышел летом 1928 г., а материалы к нему готовились в течение 1927 г.; даже некролог на смерть этнографа Л.Я. Штернберга, умершего в августе 1927 г., был подверстан в номер отдельно, с особой (римской) пагинацией).

Безотносительно к обстоятельствам, приведшим к публикации очерка, он имеет особое значение сам по себе, в первую очередь — для отечественной историко-экономической науки. Значение это обусловлено не только актуальностью проблем, поднятых Н.Н. Козьминым, для времени появления работы на свет, но и актуальностью их для современной науки.

Основная мысль, которую последовательно отстаивает Н.Н. Козьмин в очерке, — прямая зависимость этничности от хозяйственной деятельности, от способа природопользования. Николай Николаевич был одним из первых, кто четко сформулировал это положение. А.М. Решетов утверждал, что Н.Н. Козьмина за идеи, изложенные в очерке «Хозяйство и народность» «можно считать одним из этнографов — предшественников создателей теории хозяйственно-культурных типов и историко-этнографических областей» [6, с. 95]. Думается, что значение работы намного шире.

Вплоть до начала XX столетия в науке господствовало представление об этносах как сообществах, соединенных кров-

нородственными (биологическими) связями. Новизна идеи Козьмина не только в том, что он определил иное основание этноса — не кровное родство, а хозяйственный уклад, но и в том, что принципиально по-иному подошел к самому вопросу об определении этничности: в этой мыслительной операции важна не *идентификация*, а *самоидентификация*. Иными словами, важно не то, с какой общностью связывают тебя, важно — к какой общности относишь ты себя сам. На примере жителей горной тайги Южной Сибири Н.Н. Козьмин показывает, что разные по происхождению (биологическому, территориальному, историческому) группы относят себя к одному народу на основании общего хозяйственного уклада.

Но Н.Н. Козьмин, определяя основанием этнической самоидентификации систему хозяйствования, идет еще дальше. С одной стороны, он доказывает, что само хозяйство определяется природой, условиями окружающей среды. Природа лишает человека выбора, он вынужден приспособливаться к ней. А это — прямой вызов экономической теории, целиком исходящей из тезиса о свободе выбора человека в условиях ограниченности ресурсов и неограниченности потребностей. И одновременно это — предвосхищение субстантивизма (конечно — неосознанное), ведь Козьмин подходит к хозяйству (экономике) с точки зрения *содержательного*, а не *формального* значения этого понятия. С другой стороны, он утверждает, что и внешний вид людей, составляющих некую общность, их фенотип, также зависит от окружающей среды, как и тип их хозяйства. Именно поэтому представители одного этноса часто похожи внешне, но — не обязательно, поскольку в этнос могут вливаться иные по происхождению группы, переходящие к хозяйственному укладу своих соседей. Этим объясняются значительные антропологические различия у представителей одного и того же народа.

Н.Н. Козьмин вообще много внимания в статье уделяет антропологическим исследованиям. Он критикует антропологические измерения. На основании выводов о первичности хозяйства утверждает, что антропологический тип (т.е., выражаясь современным языком, генетическое происхождение) не имеет прямого отношения к этнической идентификации. На-

против, пытается показать, что антропологические характеристики и даже душевная организация людей зависят от хозяйственного уклада. Сам вопрос о корреляции «этнологического» и «антропологического» возможно впервые поставлен именно в этой работе.

Другой важнейшей идеей Н.Н. Козьмина, получившей развитие в данной работе, на наш взгляд, следует считать тезис о том, что если природа определяет хозяйство, то социальная и даже государственная организация восходит уже к хозяйственным приемам. Это был важный шаг к пониманию и принятию марксистских методологических позиций. Большинству из нас, воспитанных на марксистском понимании истории, кажется само собой разумеющимся: экономика — базис, все остальное — надстройка. Но не будем забывать, что, во-первых, в 1920-е гг. это далеко не для всех было очевидно, во-вторых, Н.Н. Козьмин изначально не был марксистом. Он пришел к выводам о первичности «экономического» в общественной жизни сам, в результате собственных исследований, так же, как позднее пришел к выводам о существенной роли классовой борьбы. «Я недооценивал прежде марксистского методологического устоя — классовой борьбы. Конечно, классовая борьба и есть история человечества за исторический период жизни. А доисторической жизни мы, надеюсь, никогда не узнаем», — писал Н.Н. Козьмин М.К. Азадовскому [5, с. 270]. И в этой фразе заключен важный смысл: Козьмин не принял безоговорочно, как многие тогда, голую схему господствующей научной методологии, он ее выпестовал самостоятельно. А когда пытался применить ее в своей, пожалуй, самой известной работе, посвященной кочевому феодализму [2], был немедленно обвинен критиками в приверженности к схематизму [1; 4, с. 181–182].

Третьей важной мыслью Н.Н. Козьмина, высказанной в очерке и имеющей непосредственное отношение к историко-экономической тематике, является тезис о хозяйственном регрессе народов Центральной Азии, выразившемся в переходе от земледелия и, местами, развитого городского хозяйства, к кочевому скотоводству. Эта идея является производной от выводов Н.Н. Козьмина о наличии в древности у многих наро-

дов Центральной Азии и Южной Сибири собственной развитой государственности и культуры. Эти идеи Николай Николаевич разрабатывал и ранее, не оставил он их и позднее (отсюда — тезис о наличии у азиатских народов развитых феодальных отношений). По мнению Н.Н. Козьмина, распространение системы кочевничества было связано с факторами образования и быстрого роста кочевых империй. Пик этих процессов был достигнут во времена Чингисхана. Сам по себе этот тезис не бесспорен, историки и сейчас ломают копья, доказывая или опровергая «прогрессивность» Монгольской империи, а попутно — и системы кочевого скотоводства как способа природопользования. Для нас же важно, что Н.Н. Козьмин поставил вопрос о возможности хозяйственного регресса под воздействием политических и социальных факторов — после вынужденной или добровольной смены ареала обитания (он, например, доказывает, что тюрки первоначально жили в горной тайге и занимались охотой, земледелием, и лишь позднее перешли к кочевому скотоводству, спустившись в степные и полупустынные районы).

Конечно, публикуемый здесь очерк Н.Н. Козьмина даже на первый взгляд имеет ряд недостатков. Это и некоторая расплывчатость, нечеткость выводов, и обилие не имеющей прямого отношения к рассматриваемым вопросам информации, и натянутые аналогии с европейской историей. Ощущение такое, что мысли не успевают ложиться на бумагу. Но, тем не менее, этот очерк имеет один важнейший аспект, и уже поэтому достоин внимания современных исследователей. О нем сказал сам автор, определяя целью своей работы «обратить внимание на очень важное теоретическое и практическое значение этнологических исследований не только в общем динамическом разрезе, но и в разрезе экономической динамики». И предложил организовать в Иркутске Антрополого-Этнологический институт. Идея — в духе Н.Н. Козьмина, — конечно же, романтическая. Но в одном он прав — наука обязательно должна учитывать факторы, связанные с этническими процессами, без этого объективно невозможно провести историко-экономический анализ моделей развития хозяйства.

Список использованной литературы

1. Казакевич В. А. Проблемы истории Монголии и Южной Сибири в новом освещении / В. А. Казакевич // Советская этнография. — 1934. — № 5. — С. 112–117.

2. Козьмин Н. Н. К вопросу о турецко-монгольском феодализме / Н. Н. Козьмин. — М.; Иркутск: ОГИЗ, 1934. — 150 с.

3. Козьмин Н. Н. Хакасы: историко-этнографический и хозяйственный очерк Минусинского края / Н. Н. Козьмин. — Иркутск : Изд. Иркут. секции науч. работников Рабпроса, 1925. — X, 185 с. — (Краеведческая сер. № 4, вып. 5 / под ред. М. А. Азадовского).

4. Кузьмин Ю. В. Профессор Н.Н. Козьмин: историк, экономист, общественный деятель (1872–1938): основные направления научной деятельности / Ю. В. Кузьмин // Вторые университетские социально-гуманитарные чтения 2008 года: материалы. — Иркутск : Изд-во Иркут. гос. ун-та, 2008. — С. 169–184.

5. Н. Н. Козьмин — Азадовскому // Литературное наследство Сибири. Т. 1: Горький и Сибирь. Забытое и найденное. Письма ученых-сибиреведов и писателей М. К. Азадовскому / гл. ред. Н. Н. Яновский. — Новосибирск : Зап.-Сиб. кн. изд-во. 1969. — С. 264–272.

6. Решетов А. М. Николай Николаевич Козьмин: основные направления научной деятельности / А. М. Решетов // Репрессированные этнографы : Вып. 1 / сост. Д. Д. Тумаркин. — 2-е изд. — М. : Вост. лит., 2002. — С. 81–100.

7. Толстов С. П. [Рецензия] / С. П. Толстов // Советское краеведение. — 1930. — № 7-8. — С. 47–49. — Рец. на кн.: Сибирская живая старина. — 1927. — Вып. 7. — Иркутск, 1928. — 156 с.; 1928/29. — Вып. 8-9. — Иркутск, 1929. — 386 с.

Информация об авторе

Курьшов Андрей Михайлович — кандидат исторических наук, доцент, кафедра истории, экономических и политических учений, Байкальский государственный университет экономики и права, 664003, г. Иркутск, ул. Ленина, 11, e-mail: akm77@yandex.ru.

Author

Kuryshov Andrey Mikhailovich — PhD in History, Associate Professor, Department of Economic and Political Science History, Baikal State University of Economics and Law, 11, Lenin Street, Irkutsk, 664003, e-mail: akm77@yandex.ru.